

Г.П.Щедровицкий

ПОНИМАНИЕ КАК КОМПОНЕНТА ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАКОВ

I. Основной недостаток всех предложенных до сих пор подходов в исследовании знаков (их смыслов, значений, значимостей и содержаний) заключается, на наш взгляд, в том, что не учитывается их объективная сложность и принципиальное отличие от всех других предметов, в исследовании которых естественные науки достигли к настоящему времени известных успехов; в результате все существующие концепции знака и речи-языка как знаковой системы особого рода дают недопустимо переупрощенное представление о них как предметах лингвистического и семиотического изучения и делают невозможной разработку новых эффективных методов исследования.

Чтобы определить причины и основания этих переупрощений, нужно рассмотреть, с одной стороны, онтологические представления речи-языка и знака, а с другой стороны, методы лингвистического и семиотического анализа знаков.

2. Между онтологическими представлениями и методами анализа любого объекта существуют связь и соотносительность: во-первых, само онтологическое представление объекта выра-

батывается путем рефлексивного осознания существующих средств и способов практической и познавательной работы с этим объектом, а во-вторых, способы практической деятельности с объектом и средства дальнейшего исследования его определяются относительно существующего онтологического представления. Несколько упрощая дело, можно сказать, что связь и соотнесенность онтологической картины и методов анализа объекта задаются структурой научно-исследовательской деятельности и созданными ею организованностями, в частности, организованностью соответствующего научного предмета. Поэтому, если мы хотим преодолеть недостатки существующих ныне представлений о знаках, их смыслах, значениях, содержаниях и т.п., то должны прежде всего обратиться к более тщательному анализу процедур исследования знаков.

3. До сих пор этому больше всего мешала (и мешает сейчас) догматическая ориентация на естественные науки и настойчивое стремление строить лингвистические и семиотические знания в точном соответствии с эталонами и образцами, выработанными физикой и химией. При такой ориентации теряется главное и специфическое для лингвистики и семиотики - принципиальная однородность их объекта изучения с самим изучением (и то, и другое - деятельности, да к тому же еще частично совпадающие друг с другом) и зависимость строения и законов жизни объекта от характера знаний о нем; последнее объясняется тем, что знания постоянно включаются в деятельность и становятся конституирующими элементами всех объектов, порождаемых деятельностью и живущих в ней.

Вместе с тем указанная однородность и частичное совпадение объекта изучения и самого изучения приводят к тому, что очень часто исследователям не удается правильно выделить исследовательскую процедуру и отграничить ее от объекта изучения. Резче всего этот момент проявляется в анализе процессов понимания.

4. Общеизвестно, а в семиотических исследованиях подчеркивается еще и специально, что знак существует в своем качестве знака лишь благодаря тому, что люди относятся к нему как к знаку, благодаря тому, что они понимают его и

приписывают ему определенный смысл. Понимание, таким образом, выступает в качестве необходимого условия и момента объективного существования знака в актах человеческой деятельности и общения. Благодаря пониманию возникает необходимая органическая компонента знака — его смысл.

Однако акт понимания, а вместе с тем и порождаемый им смысл знаковой формы не даны и не могут быть даны исследователю или наблюдателю непосредственно в качестве противостоящих ему объектов оперирования. Но это значит, что и знак в целом, являющийся единством материала знака (не смешивать с планом выражения!) и смысла (не смешивать с планом содержания!), не может непосредственно стать объектом оперирования. Этим он отличается от объектов физики и химии: с последними можно оперировать, приводить их во взаимодействие с другими объектами, разлагать, соединять в комплексы и т.п., и это оперирование лежит в основании познания этих объектов.

При поверхностном подходе может показаться, что знаки в этом отношении ничем не отличаются от объектов физики и химии: представленные в текстах разного рода как последовательности графических значков, они вроде бы тоже противостоят исследователю как чисто объективные образования и кажется, что с ними тоже можно оперировать как с объектами. Но это только видимость. Графические значки, фиксируемые нами как текст, не являются еще целостными знаками; они составляют лишь одну компоненту знаков — материал их знаковой формы, а самое главное для знаков — их смысл, лежит вне материала: он создается и привносится пониманием. Именно поэтому со знаками нельзя оперировать как с непосредственно данными внешними объектами. Не может выступить в качестве таких объектов и звуковой или графический материал знаков: в человеческой деятельности он "живет" не по своим собственным законам, а по законам смыслов. В силу этого оперирование с материалом знаков как с объектами ничего не даст для познания самих знаков.

5. Специфический характер существования понимания и смыслов — этих необходимых и, по-видимому, основных компонентов знака — приводит к тому, что исследователь в исходных пунктах своей работы совершенно особым образом "овла-

девает" знаком: не через познание, а через понимание. Исследователь как бы заимствует позицию того человека, в деятельности которого существует исследуемый им знак, и, прежде чем начать свою специфическую исследовательскую работу, проделывает все то, что делал другой человек, оперируя со знаком и понимая его. Только понимание делает возможным расчленение знаковых выражений на отдельные осмысленные единицы, выделение связей между ними и, вообще, воспроизведение структуры знаковых выражений. Именно путем понимания исследователь восстанавливает для себя ту компоненту каждого знака, которой должен быть дополнен материал знаковой формы, чтобы получился полный знак. Путем понимания исследователь создает знак как объект, но не как противостоящий ему и его деятельности, а как принадлежащий самому этому человеку и его деятельности, как включенный в деятельность и существующий в ней и благодаря ей. Здесь нет, таким образом, объективированной исследовательской процедуры, направленной на смысл знаков как на отчужденный предмет рассмотрения. Материал знаковой формы понимается, а затем понимаемая знаковая форма сопоставляется и анализируется с тех или иных объективированных точек зрения. Но этот "объективный" анализ уже включает в себя работу понимания, и более того — он "подлажен" к ней и возможен только на ее основе.

Интересно отметить, что если исследователь сам не понимает той или иной знаковой формы, то он привлекает в помощь себе "информаторов" (информантов), делает их своим инструментом, заставляет понимать знаковые выражения и представлять исследователю их смысл в виде определенного набора специально фиксируемых значений (см. "Значения как конструктивные компоненты знаков").

6. Таким образом, понимание выступает в качестве необходимой компоненты исследования знака. Но так как оно осуществляется по сути дела автоматически, за счет исходного владения языком, а не за счет специальной техники исследовательской работы, то его выделение и правильная оценка в качестве необходимой компоненты исследовательской процедуры были очень затруднены. Сложилось два полярных направления в осознании и формулировании методоло-

гии исследования знаков.

Одно направление, исходящее из традиционных естественно-научных представлений, стремилось исключить из исследовательских процедур всякую интуицию, и желало этого так искренне и с таким жаром, что вообще не замечало моментов понимания знаковых выражений в своих собственных исследовательских процедурах. Сводя исследование знаков к обычным для физики процедурам оперирования с внешне данными объектами, это направление надеялось достичь абсолютных вершин научного рая (ср. Х.Ульдалл). Однако единственным реальным результатом такого представления своих собственных исследовательских процедур стало неправильное выделение и осознание самого знака как объекта изучения: он был сведен к одному лишь материалу знаковой формы, и этому не смогла помешать даже концепция билатеральности знака.

Другое направление, наоборот, выделяло на передний план специфический момент понимания знаков (знаний и вообще всех духовных явлений); но и оно, несмотря на правильность своих исходных положений, мало что дало для научного анализа знаков и построения научной семиотики, ибо не видело других компонент научного исследования, осуществляемых на основе понимания, в частности, — активной инженерно-конструктивной деятельности людей, того, что можно назвать семиотической инженерией. Это, как правило, приводило к обоснованию и оправданию тезиса, что знаки, как и другие духовные явления, не могут познаваться объективными научными методами. В целом, противостояние этих двух подходов не выводило исследователей к задаче конструктивного синтеза их, а механическое соединение по принципу конъюнкции создавало тот эклектизм и видимость многосторонности подходов, которые больше всего мешали эффективному научному исследованию знаков и знаковых систем.

Напротив, более детальный рефлексивный анализ процедур исследования знака, четкое осознание того, что в них обязательно входит момент понимания знаковых выражений, дает нам возможность точнее определить границы и характер знака, построить более правильную онтологическую картину, учитывающую реальные способы и формы существования знака как в качестве объекта, так и в качестве предмета изучения, а затем

на базе этой онтологической картины разрабатывать новые методы исследования знаков, преодолевающие недостатки "чистого понимания" и плоского физикалистского подхода.

Г.П.Щедровицкий

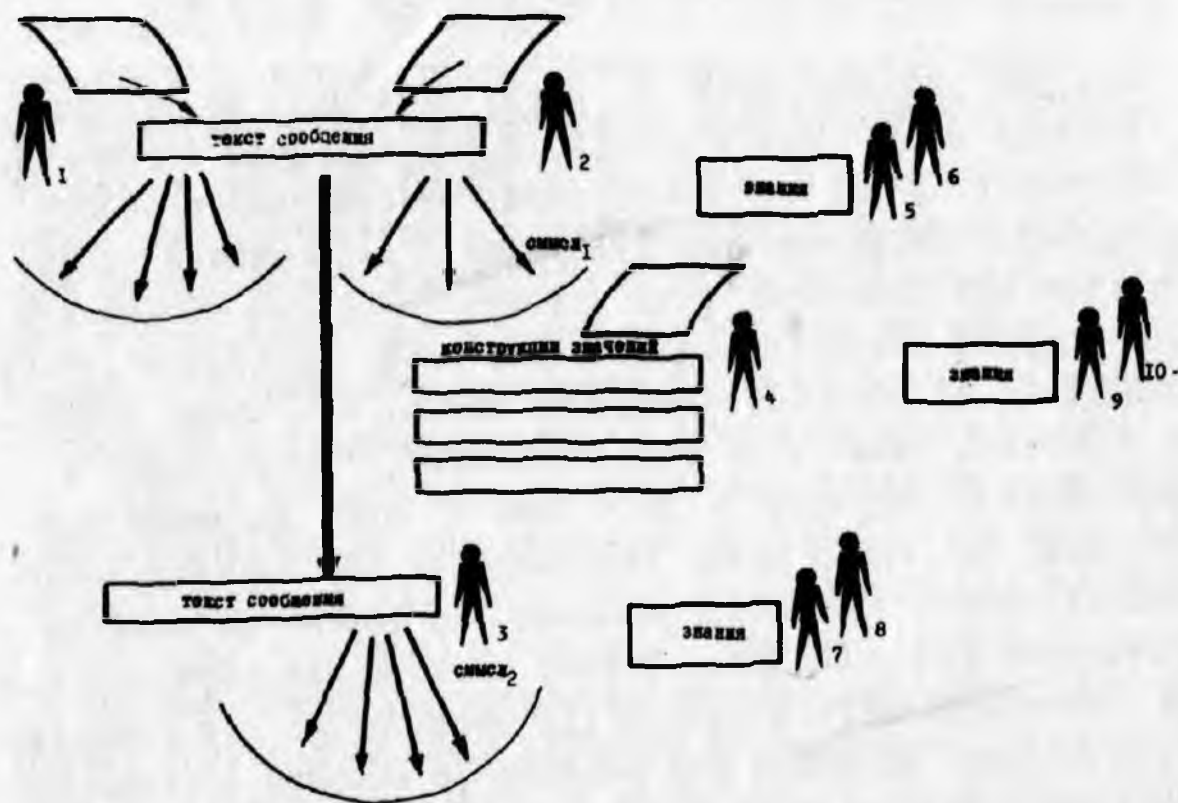
ЗНАЧЕНИЯ КАК КОНСТРУКТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАКА

1. Все распространенные сейчас концепции знака, даже те, которые берут знак в контексте деятельности и общения, совершенно не учитывают конструктивно-нормативную работу, порожденную специфическими условиями и механизмами воспроизводства деятельности, и ее влияние на различные аспекты существования знака (прежде всего в плане "парадигм", "норм", "культуры", но распространяющееся затем, благодаря процессам обучения, также и на план "синтагм", "реализаций" и "социетальных структур"). Этот момент может казаться удивительным, так как в самом языковедении конструктивно-нормативная работа всегда преобладала. Но такова уж сила теоретических предрассудков. Гипноз естественно-научного подхода, возобладавшего с начала XIX столетия, с его представлением объекта изучения как объекта созерцания и общим невниманием к процессам и механизмам деятельности, заставляет языковедов закрывать глаза на практику собственной работы, на то бесспорное обстоятельство, что они сами строят язык и стремятся управлять его развитием.

Одним из важных следствий неуместного употребления естественно-научной идеологии в лингвистике и семиотике является смешение значений либо со смыслом знаковых выражений (и далее — с его психологическими производными), либо с содержаниями знаковых выражений (означаемым, денотатами, десигнатами и т.п.); напротив, анализ разных видов деятельности, внутри которых создается и живет знак, в том числе — конструктивных видов деятельности, позволяет различить и четко определить "смыслы", "значения" и "содержания" знаковых выражений.

2. Чтобы ввести в действительность научного языковедения деятельность и показать, как объекты такого рода, как речь-язык или знаки и знаковые системы, зависят от структу-

ры деятельности, нужно воспользоваться системной моделью ситуации деятельности и общения (см. схему), включающей процесс коммуникации (связь между позициями 1 и 2) и процесс трансляции (связь между позициями 1 и 3), и поставить ее в контекст естественно-искусственного воспроизводства.

Текст сообщения, передаваемого из позиции 1 в позицию 2, является элементом ситуации, связан со многими другими ее элементами и несет по отношению к ним определенные функции; связи и функции, включающие текст сообщения в ситуацию, образуют сеть или систему, центрированную на сообщении (в принципе мы могли бы центрировать ее на любом другом элементе ситуации). Понимание текста сообщения, включающее индивида 2 в ситуацию, заключается в восстановлении или развертывании связей и функций этой системы — как правило, не всех, а лишь части.

Смысл, если исходить из этой схемы, может быть определен как продукт понимания; это будет та конфигурация связей и функций знакового выражения в ситуации деятельности и общения, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения. Понимание считается адекватным,

если созданная в результате него конфигурация связей и функций настолько соответствует той системе, которая была заложена в сообщение человеком, построившим его, что дает возможность индивиду 2 осуществить необходимую в ситуации деятельность.

Предположим теперь, что текст сообщения поступает из позиции 1 не в позицию 2, а в позицию 3 и здесь либо вообще не понимается, либо понимается неадекватно. Такое положение заставляет систему, обслуживающую процессы коммуникации и трансляции, создавать специальные знаковые конструкции, которые, будучи "вложенными" в индивида 3 (или "усвоенными" им), выступают в качестве дополнительных средств, обеспечивающих необходимое понимание текста сообщения. Эти конструкции, создаваемые инженерами-языковедами (позиция 4), выступают в качестве форм фиксации и выражения значений или (если учитывать также процедуры использования этих знаковых конструкций в качестве средств понимания и связанное с этим "вторичное понимание" их) — в качестве самих значений.

Таким образом, языковед-инженер сводит понимаемый им смысл сложных знаковых выражений и их элементов к создаваемым им конструкциям значений, выражает множество разных ситуативных смыслов через наборы специально выделяемых элементарных значений и последующую организацию их в структуры. Индивиды, получающие эти конструкции и принципы организации их в структуры, используют их затем в качестве "строительных лесов" при выделении смысла разных сообщений или даже в качестве основных компонент его; имея наборы определенных значений, эти индивиды сначала как бы разлагают по ним смысл сообщений, а затем собирают из них этот смысл как композицию, приравливаясь при этом к ситуации как целому.

Примечание. По логике наших рассуждений индивид 2 выявлял смысл сообщения как бы вовсе без опоры на значения. Это неявное допущение было введено потому, что рассуждение нужно было начать, не предполагая изначального существования значений; но, после того как значения введены, мы можем отказаться от исходного допущения и распространить схему ретроспективно в историю. Таким путем, естественно, не мо-

жет быть решена проблема происхождения, но сама процедура ретроспективного обрачивания соответствует принципам описания исторических ситуаций.

3. Значения, создаваемые лингвистами-инженерами, могут быть весьма разнообразными. Их характер и форма фиксации зависят прежде всего от того, 1) чем вызвано непонимание текста сообщения, 2) кто выступает в роли коммуниканта З (ребенок, еще не освоивший основных средств речевого мышления, студент, не овладевший чужим для него языком, ЭВМ, не имеющая необходимых программ анализа текстов, и т.п.), 3) как организованы остальные элементы ситуации. Кроме того существенное влияние на характер и форму фиксации значений оказывают методические и теоретические ответы на вопрос, что такое значение, вырабатываемые в собственно исследовательских позициях (5-6, 7-8, 9-10), обслуживающих конструктивно-нормативную работу лингвиста.

4. Хотя для индивида З конструкции значений выступают в процессе понимания по сути дела в качестве средств и даже эталонов для анализа и синтеза ситуативного смысла текстов, хотя индивид З иной раз просто собирает смысл из данных ему значений, тем не менее конструкции значений ни в коем случае нельзя рассматривать как собственно научные и теоретические модели смысла в целом или его отдельных элементов. Конструкции значений (и сами значения) - это прежде всего иные функциональные элементы того же целого, в которое входят понимание текста и его продукт - смысл; значения и смысл связаны между собой деятельностью понимающего человека и являются разными элементами, или компонентами, во-первых, самой деятельности, а во-вторых, знака (как определенной организованности деятельности). Можно сказать, что смысл и значения - разные элементы, или компоненты знака, придающие ему вместе с тем разные способы и формы существования: в синтагматике и в парадигматике, в реализации и в норме, и т.п.

Примечание. Хотя смыслы и значения связаны между собой не познавательным отношением объекта и моделирующей его конструкции, а отношением разных функциональных элементов структуры деятельности, функционирующей именно благодаря их различию, характер этого функционирования таков, что при

определенных условиях позволяет рассматривать и трактовать связь между значениями и смыслами как отношение конструктивного замещения, или, как мы его называем, имитации. Смещение отношения имитации с отношением моделирования приводит, как правило, к смешению смысла со значениями и к принципиально неправильной трактовке структуры знака.

5. Конструктивный характер значений кардинальным образом меняет практическое и познавательное отношение человека к знаку. Если в акте коммуникации 1-2 знаковое выражение, как мы предположили, могло лишь пониматься, и благодаря этому выделялся (или даже создавался) его смысл, и таким образом впервые появлялся знак как целостный объект, в единстве его необходимых компонент — материала знаковой формы и смысла, если при попытках научного исследования и описания знаков исследователь должен был прежде всего понять данное знаковое выражение и у него не было никакого другого пути, чтобы сделать знак объектом и присвоить его себе (ср. "Понимание как компонента исследования знаков"), то появление конструкций значений, образующих второй план существования знака, его парадигматику, создает подлинное отношение знания к знаку как к объекту, ибо значения, становящиеся вторым компонентом знака и дополняющие материал знаковой формы до необходимой целостности, являются продуктами сознательной инженерной деятельности и как таковые должны не только пониматься, но и обязательно быть знаемы. Инженерно-конструктивная деятельность всегда опирается на знания создаваемой конструкции или ее пробразов и, следовательно, всегда должна сопровождаться и обслуживаться исследовательской деятельностью того или иного типа (позиции 5-10). Можно даже сказать, что знание природы значения является условием и предпосылкой инженерии значений: та или иная конструкция значений всегда определяется предваряющим ее ответом на вопрос, что представляет собой значение как таковое. И хотя сам по себе этот ответ не устраняет необходимости понимания конструкций значений людьми, использующими их в качестве средства своей деятельности (уже упомянутое "вторичное понимание"), но кроме того значения знаков, а следовательно, и сам знак в целом получают здесь еще одно дополнительное существова-

ние в знании и через знание, ни в коем случае не сводимое к существованию их в понимании и через понимание. С этого момента можно говорить о существовании знака как предмета знания.

Г.П.Щедровицкий

ЗНАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ ЗНАКА

I. Благодаря деятельности языковедов-инженеров, создающих конструкции значений (см. "Значения как конструктивные компоненты знака"), знаки получают вторую сферу существования - парадигматическую. Синтагматические цепочки речи и конструкции значений в парадигмах языка связываются между собой деятельностью человека, осуществляющего речевое общение, но при этом они остаются существенно разными как по своим функциям, так и по внутренней организации, и ничто не делает составляющие их элементы и единицы одними и теми же или одинаковыми объектами, ничто не дает права говорить, что синтагматические цепочки и парадигматические организации - лишь разные планы существования одних и тех же знаков, ибо таких объектов как чего-то единого и лишь по-разному проявляющегося в синтагмах и парадигмах пока нет. Каждая организованность знакового материала в какой-либо парадигме выражает иное, нежели та же организованность знакового материала в какой-либо синтагматической цепочке, и в одной синтагматической цепочке - иное, нежели в другой (поскольку в каждой свой особый смысл), несмотря на сходство или тождество самого знакового материала.

Однако, практически мы рассматриваем элементы синтагматических цепочек и конструкции значений в парадигмах, характеризующиеся одним и тем же материалом, как разные манифестации одного знака, и следовательно, и то и другое вместе, в конечном счете, - как один и единый знак в его разных проявлениях. Поэтому обсуждать здесь можно только одно: за счет каких специфических образований, за счет каких дополнительных средств деятельности достигается объединение и синтез всего этого (т.е. всех многообразных прояв-

лений, существующих в огромном множестве разных синтагматических цепочек и в достаточно большом наборе разных парадигматических организованностей, отличающихся друг от друга как строением, так и условиями существования) в один и единый знак, что дает нам право и возможность собирать разные конструкции значений в одно сложное целое и затем отождествлять полученную таким образом композицию с тем, что существует в контексте синтагматических цепочек?

Этим средством является знание, обязательно сопровождающее всякую практическую, инженерную и собственно научную (теоретическую) деятельность человека. В соответствии со своими исконными функциями оно осуществляет обобщение и объединяет множество разрозненных и разных индивидуализированных явлений, событий и объектов в один предмет, в одну целостность. Можно сказать, что это знание создает знак (например, слово), делает его единым и всегда одним и тем же предметом, независимо от разнообразия проявлений его в синтагматических цепочках и в парадигматических организованностях. Условно, исключая все различия этих знаний и создаваемых ими предметов, мы будем называть их "знаниями знаков".

2. Знание знака собирает другие формы его существования — синтагматические и парадигматические — в целостность, объединяет и организует их. Но это объединение ни в коем случае нельзя понимать механически; оно осуществляется за счет того, что знание знака создает свою особую действительность — знак как идеальный объект, действительность знания, несводимую к синтагматическим цепочкам и парадигмам и, вместе с тем, снимающую их и представляющую в виде единого объекта. Одновременно само знание выступает в виде особой, третьей формы существования знака. Она является ничуть не менее объективной, чем две другие, и существует в деятельности наряду с синтагматическими цепочками и парадигматическими конструкциями значений. В этом плане знание знака является лишь одной и частной формой существования самого знака. Но так как в своей действительности знание знака снимает другие формы — синтагматические и парадигматические, мы можем сказать, что оно является основной и всеобщей формой его существования. Именно знания знаков (а далее также и

"знания о знаках") составляют основную и решающую часть систем языка, именно знания знаков выступают как проекты и принципы, определяющие существование знаков в инженерной деятельности языковедов и в духовной жизни всех говорящих людей, именно в знаниях свертывается и существует значительная часть рече-языковой способности людей. Поэтому неудивительно, что именно знания знаков, а не сами по себе конструкции значений составляют основную и решающую часть всех парадигматических систем.

3. В принципе знания знаков могут быть и бывают весьма разнообразными. Между ними устанавливаются свои особые отношения и связи, меняющиеся в зависимости от характера деятельности, которую они обслуживают — практической, инженерной или собственно научной, а также — по мере развития языка и языковедения. Одни из этих знаний фиксируют и задают отдельные стороны существования знака в деятельности, например, только те или иные конструкции значений, другие знания как бы надстраиваются над первыми и охватывают сразу множество разных сторон знака и связи между ними. Кроме того, разные знания существуют в разных формах: одни из них получены научным путем и имеют строго объективный статус, другие, наоборот, — предельно интуитивны и выступают скорее в виде чувственных представлений и субъективной речевой способности (чувство языка). Анализ всех этих знаний и разных форм их существования в деятельности представляет собой особую и весьма сложную проблему, которую мы здесь не можем обсуждать. Нам важно подчеркнуть лишь сам факт разнообразия таких образований, как знания знаков и их влияние на различие форм и способов существования самих знаков.

С того момента, как утверждается языковедческая инженерия и начинается систематическое конструирование значений, знания знаков становятся по преимуществу конструктивно-техническими. Подобно математическим формулам и уравнениям они фиксируют в себе процедуры сопоставления, разложения и сборки рядов разных явлений и объектов из мира знаков и представляют эти явления и объекты в качестве вариантов и проявлений единого объекта, поневоле (т.е. уже в силу формальных особенностей самих процедур и соответствующего им строения

знаний) конструктивного и структурного. При этом происходит трансформация и переработка исходного содержания, охваченного знанием: из совокупности объектов, возникших первоначально в разных ситуациях и во многом независимо друг от друга (к примеру - разные употребления знакового материала в синтагматических цепочках и разные конструкции значений) и лишь потом внешним образом связываемых друг с другом, оно превращается в сложный конструктивно развертываемый идеальный объект, как бы тиражируемый в разных частях своей структуры и в разных вариантах и приобретающий благодаря этому множественное существование. Но целостным и структурным объектом при всем этом знак остается только благодаря знанию и в знании.

4. Поэтому, когда лингвист-исследователь начинает свою работу и хочет либо проанализировать какие-то конкретные знаки, либо же ответить на вопросы, что такое язык и что такое знак и знаковая система, то первое и основное, что предстает перед ним и с чем он преимущественно имеет дело, это - "знания знаков" и "знания языка". Осваивая их - понимая и анализируя, - он обнаруживает вскоре по крайней мере четыре (а на деле - больше) разных форм существования знака (и языка): 1) знания знаков, 2) действительность этих знаний, 3) парадигматические конструкции значений и 4) синтагматические цепочки. И тогда он встает перед вопросом: какое же из этих существований знака является подлинным, реальным существованием. Но тайна знака (и языка) как элемента и организованности деятельности состоит как раз в том, что все эти четыре формы существования являются подлинными и одинаково реальными, а сам знак (или язык) существует как структурное единство всех этих форм.

Такая категориальная и онтологическая характеристика знака и языка (основывающаяся на принципах теории деятельности) не укладывается в голове у лингвиста, ориентированного на эталоны и образцы объектов естественных наук: несовместимость существований объекта, знания и содержания знания, а вместе с тем внутренняя однородность и единственность объекта являются для него аксиомами. Имея интенцию на один внутренне нерасчлененный объект, такой лингвист присваивает характеристики и свойства "знаний знаков" знакам

как действительности этих знаний, а характеристики того и другого – парадигматическим конструкциям значений или элементам синтагматических цепочек. Вместо четырех разных сущностей, живущих хотя и в связи друг с другом, но по разным законам и механизмам, он имеет в качестве предмета изучения одну сущность, в которой все перепутано и смешано в кучу.

Именно это обстоятельство больше всего мешало оформлению позиции лингвиста-ученого и появлению наряду со знаниями знаков (или знаниями языка) также еще "знаний о знаках" и "знаний о языке", которые могли бы представить и изобразить все разнообразные формы существования знака в виде единой сложной структуры.

Поэтому столь значительным для всей истории лингвистики был вклад В. Гумбольдта, впервые представившего речь-язык в категориях деятельности, и затем, в особенности, вклад Ф. де Соссюра, различившего внутри речевой деятельности (*langage*) *parole* и *langue* : это были первые теоретические подходы к фиксации множественности разных форм существования знака. Но при этом сам Ф. де Соссюр не смог довести эту работу до конца и последовательно разделить существование языка в виде знания и существование языка как действительности этих знаний; кроме того он не видел и не фиксировал различие между языком как действительностью инженерного лингвистического и языком как действительностью научного лингвистического.

5. Появление рядом со "знаниями знаков" или "знаниями языка" также еще "знаний о знаках" и "знаний о языке" приводит к оформлению наряду с действительностью инженерного лингвистического также действительности научного языкознания. Развертываясь далее в полный научный предмет, эти знания порождают (или должны породить) онтологическую картину речь-языка, отделяющуюся от действительности первого и второго типа; в онтологических картинах научного предмета речь-язык получает новое существование – в виде идеального объекта изучения, обладающего "естественными законами жизни". Но это происходит лишь в той мере, в какой преодолеваются эпистемологические догмы натурализма и осуществляется переход на позиции научной семиотики и теории деятельности.